

Чжэн Луянь

ТЕМА СМЕРТИ В ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО "КАЗАКИ"

В статье исследуются художественные искания молодого Л. Н. Толстого. В повести "Казачьи" Толстой почувствовал связь своей деятельности с требованиями народа. Новые идеи, "обилие предметов" в повести вынуждали к поиску новой манеры, заключающейся в разнообразии тонов. Казачий мир и главный герой повести изображены в эпическом, лирическом и драматическом планах. Такой способ изображения свидетельствовал о том, что толстовский реализм обнаруживает в себе эпическое и аналитическое начало.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/3-2/57.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. II. С. 208-211. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Безусловно, в содержание обучения студентов-бакалавров языковых вузов выразительности иноязычной речи в аспекте эмоционально-концептного подхода вошли не все представленные виды текстов: основной упор был сделан на отмеченные социокультурным своеобразием вербальные тексты разговорного, художественного и публицистического стилей, согласующиеся с отобранными темами и речевыми ситуациями эмотивной иноязычной коммуникации и обладающие высоким эмотивным потенциалом. Между тем, данная классификация позволяет варьировать текстовый материал в обучении эмотивной коммуникации, совмещать вербальные и невербальные формы его репрезентации в ходе овладения студентами языком эмоций.

Список литературы

1. **Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.** Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
2. **Чернышов С. В.** Методика обучения студентов старших курсов языковых вузов выразительности речи на основе фразеологии: дисс. ... к. пед. н. Нижний Новгород, 2008. 209 с.
3. **Чернышов С. В.** Учимся говорить выразительно: учеб. теор.-практ. пособие по англ. яз. Нижний Новгород, 2008. 119 с.
4. **Шаховский В. И.** Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

CHOICE OF EMOTIVE TEXTS FOR TEACHING FOREIGN LANGUAGE EMOTIVE COMMUNICATION

Chernyshov Sergei Viktorovich, Ph. D. in Pedagogy
Linguistics University of Nizhny Novgorod
Chernish25@yandex.ru

The article touches on the problem of choice of emotive texts for teaching emotive communication at the foreign language lessons. The author examines the criteria for the choice of textual material for teaching students-bachelors of the linguistic higher schools expressiveness of foreign speech under conditions of emotive communication taking into account the conceptions of emotional and concept approach in foreign language teaching.

Key words and phrases: emotive text; content of teaching emotive communication; emotional and concept approach in foreign language teaching; choice of textual material.

УДК 8221.161.1“18”

Филологические науки

В статье исследуются художественные искания молодого Л. Н. Толстого. В повести «Казачьи» Толстой почувствовал связь своей деятельности с требованиями народа. Новые идеи, «обилие предметов» в повести вынуждали к поиску новой манеры, заключающейся в разнообразии тонов. Казачий мир и главный герой повести изображены в эпическом, лирическом и драматическом планах. Такой способ изображения свидетельствовал о том, что толстовский реализм обнаруживает в себе эпическое и аналитическое начало.

Ключевые слова и фразы: молодой Толстой; тема; предмет; сюжет; новая манера; синтез объективного и субъективного.

Чжэн Луянь

Ивановский государственный университет
zhengluyan@hotmail.com

ТЕМА СМЕРТИ В ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО «КАЗАКИ»©

Художественное творчество неизменно нацелено на постижение и изображение сущностных начал бытия, его основополагающих свойств, к каковым относится, например, жизнь и смерть, свет и тьма. Тема смерти относится к вечным темам. В творчестве Л. Н. Толстого ее можно считать сквозной. Сотни тысяч людей (русских, нерусских) умирают на страницах толстовских произведениях. М. А. Алданов в книге «Загадка Толстого» перечисляет количество смертей в его произведениях и недоуменно спрашивает: «Для чего же собран этот огромный художественный материал, которому равного по богатству не дал ни один писатель мира?» [1, с. 56-57].

В творчестве молодого Толстого доминирование темы смерти особенно заметно в военной прозе. В рассказах «Набег», «Рубка леса», «Как умирают русские солдаты» гибель солдата – момент кульминационного напряжения в сюжете произведения. Истоки этой линии – в жизни, точнее в «практической стороне жизни», которая завораживала и увлекала Толстого. В дневнике (январь 1852 года) он записывает: «...чем дальше подвигаемся в ней – больше и больше требует нашего внимания» [6, с. 56]. Умозрительные представления Толстого о жизни и сама практическая ее сторона идут рука об руку, определяя формирование его как человека

и писателя. Через месяц (5 февраля 1852 г.) он отметит в дневнике: «Я равнодушен к жизни, в которой слишком мало испытал счастья, чтобы любить; потому не боюсь смертей» [5, с. 90]. В этом суждении – больше позы, умничанья, чем опытного знания. Знание обнаружится в открытии собственно практической стороны жизни, особенно военной жизни: военного быта, боев, в ходе которых взросление происходило намного быстрее, чем при чтении книг.

Над повестью «Казак» Толстой работал в течение долгого времени: с 1852-го по 1862-й год. За это время он вырос не только как художник, но и как человек. Изучение истории текста – важнейший путь филологического исследования, так как помогает понять и проследить развитие замысла, а также и то, что вылилось на бумагу в первый момент работы непосредственно. Примечательны отрывки, черновые варианты отдельных глав первых редакций повести «Казак», по времени написания относящиеся: 1) «Терская линия» – к 1853-1855 гг. и 2) «Письмо офицера» – к 1857-1858 гг. Другие отрывки не озаглавлены, но их вполне следует считать тематически самостоятельными и можно поименовать так: «Ловля абреков» или «Облава на абреков». Еще одна часть – отрывок «Кирка» [10], главным героем которого является молодой казак Кирка (будущий Лукашка), здесь намечена фабульно его участь: после тяжелого ранения он собирается жениться и отходит от казацкой служивой жизни. Особенности этих набросков (незавершенных текстов) в том, что они написаны вполне в духе молодого Толстого: «Терская линия» – историко-этнографический очерк, тогда как «Письмо офицера» – опыт психологической прозы. В основном тексте повести «Казак» письмо Оленина занимает ключевое место в сюжете исканий главного героя. В послании Оленин подробно изложил своему московскому приятелю перипетии своих внутренних исканий в пору жизни на Кавказе. Другие наброски представляют собой очерки кавказской (казацкой) жизни. Обращение писателя к различным жанрам – свидетельство интенсивных исканий, художественных открытий и неудач.

В черновых материалах по существу намечены основные сюжетные события: любовь и смерть, истоки которых, по Толстому, – в свободе и войне. Облава на абреков удалась казакам, но она завершается тяжелым ранением казака Кирки. Гибель абреков лишь констатируется офицером-повествователем. В основном же тексте повести эпизод «Ловля абреков» завершает одну из ведущих сюжетных линий, тогда как ее начало, убийство абрека Лукашкой, стало своего рода завязкой данного сюжета: удача нестроевого казака обернется для него, ловкого воина, гуляки, тяжелым ранением, а может быть, и смертью. Первое событие (сидение в секрете, засаде) – обычное явление казацкой жизни в произведении – Толстой изобразил этнографически точно как эпизод из военной службы казаков, однако в повествовании важна и эмоциональная реакция на удачу/убийство Лукашки. Восхищение фартом Лукашки сменяется и осуждением, и предчувствием чего-то страшного, например, мести со стороны абреков. Эта эмоционально-нравственная реакция станичников постоянно напоминает о себе, подпитывая сюжетное действие, усиливает его напряжение, рождая предчувствие чего-то тревожного.

Черновые наброски также дают представление и о том, как Толстой стилистически реализует намеченные темы. О новой своей манере писатель довольно подробно поведал П. В. Анненкову: «Ту серьезную вещь (*речь идет о повести «Казак» – Ч. Л.*), про которую я вам говорил как-то, я начал в 4-х различных тонах, каждую написал листа по 3 – и остановился, не знаю, что выбрать или как слить, или должен я всё бросить. Дело в том, что эта субъективная поэзия искренности – вопросительная поэзия, – и опротивела мне немного и нейдет ни к задаче, ни к тому настроению, в котором я нахожусь. Я пустился в необъятную и твердую положительную, объективную сферу и ошалел: во-первых, по обилию предметов, или, скорее, сторон предметов, которые мне представились, и по разнообразию тонов, в которых можно выставлять эти предметы» [8, с. 182].

Новая манера, или, по слову Толстого, «объективная сфера», характеризуется эпическим воззрением на предмет изображения. В этом ключе представлено начало эпизода («Ловля абреков»), оно не придумано писателем, а взято из самой жизни: «На улице что[-то] шумели и ходили, я вышел. Казаки ехали верхами, и Кирка был тут. Он, хоть и не начальник, сдвинув шапку, весь красный, повелительно кричал товарищам. – “Куда?” – спросил я. – “Абреков ловить, засели в бурунах. Сейчас едем, народу мало”. Я оседлал лошадь и поехал с ними» [10, с. 157]. Ситуация вполне рядовая для казаков, однако незнакомая для офицера-повествователя, он ни разу не участвовал в подобном деле, так как «имело другой характер от наших пехотных дел» [Там же]. Участие в незнакомом военном деле настораживает и получает соответствующее эмоционально-художественное выражение в форме пейзажа: «Я тебе описывал уже эту дикую, печальную степь; с испещренным следами песком, с завядшей, сухой травой, с камышами в лощинах; с ногайскими кочевьями далеко-далеко на горизонте; с редкими, чуть проторенными и заросшими дорожками, с мрачными печальными тонами» [Там же]. Толстовские эпитеты следуют один за другим, создавая образ природы, обладающий уникальной содержательной значимостью. Реальное пространство ногайской степи предстает в тексте толстовской картиной безжизненного пространства. Кажется, что смерть уже вступила в свои права, приготовила место: «Это дикое, голое без [1 неразобр.] место было чувство, что ознаменовалось [?] это место» [Там же, с. 158] (*курсив автора – Ч. Л.*). В этом диком месте и обитает смерть [4]. Необработанная фраза поражает своей непосредственностью, психологической правдой. Автор ощущает инстинктивно присутствие, дыхание надмирной силы – смерти. Предчувствие чего-то страшного усиливается, его переживают все, но более – офицер-повествователь, который будто намеренно нагружает рассказ эмоционально окрашенными словами. Картина ногайской степи в черновиках повести «Казак» дополнена ключевым эпизодом: «Вдруг казаки бросились с гиком. К[ирка] был впереди всех. Несколько выстрелов, крик, стон, и кровь, мне показалось. Какой-то ужас застлал мне глаза. Всё кончилось, я подъехал. Кирка, бледный, как платок, держал за руки чеченца раненого и кричал: – “Не бей, живого возьму”. Он крутил ему

руки. Чеченец вырвался и выстрелил из пистолета. Кирка упал в крови. Эти чеченцы рыжие, к[оторые] минуты тому назад были чужие, неприступные, лежали тут убитые и раненые [10, с. 158]. Финал этого текста представлен Толстым в драматическом ключе: он удивительно динамичен; глаголы , бросились, , крутиль, , вырвался и выстрелил, , упал делают картину пластичной. К тому же все действия сопровождаются возгласами, криками. Заметим, что этот эпизод представляет собой именно набросок, однако найдены предмет и манера изображения. В основном тексте повести заключительный эпизод повести несколько расширен, но не в объеме главное, важно другое – усилен его драматизм. Сюжет эпизода выстраивается писателем, скорее, по законам драмы, в которой на первый план выходят , не значения, а отношения или оттенки отношений действующих лиц. Отсюда актуальность интонационного рисунка, жеста, взгляда, пластики [3, с. 48]: небольшое вступление, затем – выезд из станицы, далее – картина наступающего утра, краски которого, несмотря на всходящее солнце, пасмурны, звуки замирают, казаки едут молча, что психологически объясняется следующими деталями: под Лукашкой конь , не то споткнулся, не то зацепился... Это дурная примета у казаков [7, с. 141-142], однако никто старался не обращать внимания на это обстоятельство, более того, казаки отвернулись. Описательные фрагменты текста напоминают расширенные ремарки, так как соучаствуют в творении визуального облика этой части повести , Казаки. Драматизм заключительных страниц данного эпизода, да и всей повести, нарастает благодаря тому, как человек вступает в пограничное пространство, где граница между жизнью и смертью очень хрупкая, поэтому , казаки ехали большею частью молча [Там же, с. 141]. Выпадает из общего строя и настроения отряда Оленин, он почему-то , был очень счастлив, , казаки чуждались его [Там же, с. 142]. Действие в этой части текста развивается стремительно, двигаясь к гибели Лукашки. Он – главная фигура данного эпизода, несмотря на то, что возглавляет отряд казаков хорунжий, казаки слушаются и выполняют приказы Лукашки. Он подобен доброму молодцу, герою народной баллады, которая ставит в центр внимания индивидуальную человеческую (чаще всего трагическую) судьбу. Мать и сестра провожают его в рядовой поход, сопряженный с опасностями, гибельными для казака. Отъезд предваряется праздничным гулянием, песнями-объяснениями, в центре которых – поединок молодца и девицы, в жизни Лукашка также пытается добиться признания в любви, однако вместо этого следует резкий ответ Марьяны: , Захотела, разлюбила [Там же, с. 137]. Так завязывается узел сюжета заключительного эпизода повести, который завершается вполне по законам народной баллады, где внимание сосредоточено на кульминационных моментах, отличающихся напряженностью действия. В повести Толстого это – стремительная схватка, в которой убиты абреки, и главное – ранение Лукашки.

Примечательно еще одно обстоятельство, характеризующее новую манеру молодого Толстого: , обилие предметов, , сторон предметов, которые, по слову писателя, составили фундамент повести , Казаки, потребовали , разнообразие тонов изображения. Так, например, военная жизнь казаков, их служба на кордонах, сидение в секретах в толстовском виденье представлены и в черновиках, и в основном тексте как перипетии охотничьей ловли, набегов казаков вместе со своими кунаками-татарами на ногайские табуны. Однако если охота – потеха, то военное дело казаков таит в себе не столько удачу, сколько ранение и смерть, поэтому , добычей Лукашки Толстым выписана по-особому. Увидев дядю Ерощку, Лукашка стал хвастаться, что он , убил зверя [Там же, с. 34]. Когда казаки разглядывают убитого абрека, незримый тихий ангел

пролетает над ними и покидает это место, а старик Ерощка говорит как будто с сожалением: , Джигита убил [Там же, с. 37]. Толстой не философствует, он как писатель вообще не комментирует случившееся, старается быть объективным, опираясь на мифопоэтические представления, в которых Жизнь и Смерть соседствуют в сознании человека. Словесно-образная картина мира в этом эпизоде повести поражает своей краткостью и выразительностью: убитый джигит, казаки, , тихий ангел, наблюдающий оставленное им тело, присутствие которого, однако, ощущают все действующие лица этой мистерии.

В повести , Казаки Толстой по-особому представляет действие надмирной силы, смерти: находит соответствующие сюжетные ходы, выстраивая их в эпическо-драматическом ключе. Например, в «Рубке леса» Веленчук несколько раз сокрушается о забытой трубке, что вызывает насмешки своих товарищей, однако его растерянность получает своеобразное объяснение: следует его рассказ о чуде, случившимся с ним: , Как она (курсив Толстого – Ч. Л.) схватит меня... схватила, схватила, повалила меня наземь, да и все... [9, с. 48]. Толстого чрезвычайно интересуют подобные устные рассказы своей безыскусностью и фабульностью. Подобные сюжетные ходы станут в его прозе доминантными, особенно в военной прозе. Его эстетика (теоретические суждения и художественная практика) обусловлена сложностью идеи произведения, вернее, сложностью отношений , автора к изображаемой действительности [2, с. 559], что и предопределило многотональность произведения.

Список литературы

1. Алданов М. А. Загадка Толстого. Берлин: Изд-во И. Д. Ладыжникова, 1923. 128 с.
2. Бурсов Б. И. Лев Толстой. Избранные работы: в 2-х т. Л.: Художественная литература, 1982. Т. 1. 608 с.
3. Едошина И. А. Ремарка как способ актуализации драматической коллизии и драматического конфликта в , поздних пьесах А. Н. Островского // Щельковские чтения 2007. А. Н. Островский в контексте мировой культуры: сб. статей. Кострома: Авантитул, 2008. 336 с.
4. Рабкина Н. В. Смерть как составная часть пейзажа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008. № 1. Ч. 2. С. 111-114.
5. Толстой Л. Н. Дневник. 1847-1854 // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М. – Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1937. Т. 46. 573 с.
6. Толстой Л. Н. Дневники // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22-х т. М.: Художественная литература, 1978-1985. Т. 21. 575 с.

7. Толстой Л. Н. Казаки // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М. – Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1936. Т. 6. 316 с.
8. Толстой Л. Н. Письма. 1856-1862 // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М. – Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. Т. 60. 546 с.
9. Толстой Л. Н. Произведения. 1852-1856 // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М. – Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1935. Т. 3. 340 с.
10. Толстой Л. Н. Произведения, дневники, письма. 1835-1810 // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М. – Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. Т. 90. 464 с.

THEME OF DEATH IN THE STORY BY L. N. TOLSTOY “THE COSSACKS”

Chzhen Luyan'
Ivanovo State University
zhenghuyan@hotmail.com

The article examines artistic searching of young L. N. Tolstoy. In the story “The Cossacks” Tolstoy felt the relation of his activity with the demands of the people. New ideas, “plenty of things” in the story made to search for a new manner involving the diversity of tones. Cossacks’ world and the main character of the story are represented in the epical, lyrical and dramatic aspects. Such method of presentation testified that Tolstoy’s realism manifests epical and analytical element.

Key words and phrases: young Tolstoy; theme; subject; plot; new manner; synthesis of objective and subjective.

УДК 81'362

Филологические науки

Характеризуется понятие широкозначности на базе приставочных глаголов в русском языке и аналитических глагольных лексем в английском. Приводится языковое сопоставление лингвистических единиц по теме анализа. Делаются выводы о типологической симметрии приставочных глаголов в русском языке (синтетическое словообразование) и аналитических глагольных лексем в английском (аналитическое лексемообразование), причём в английском языке русским смежным приставкам соответствуют широкозначные глаголы или послелогии, которые выполняют также и функцию грамматических маркеров результативности, предельности и перфектности.

Ключевые слова и фразы: приставочные глаголы; аналитические лексем; широкозначность; фразовые глаголы; вид; словообразование.

Шабает Валерий Георгиевич, к. филол. н.
Новосибирский государственный технический университет
seangrey@yandex.ru

РУССКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ПРИСТАВКИ СОВЕРШЕННОГО ВИДА В СОПОСТАВЛЕНИИ С КОМПОНЕНТАМИ АНГЛИЙСКИХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ЛЕКСЕМ©

Лексическая подсистема в составе макросистемы языка представляет совокупность номинативных единиц, которые связаны различными типами отношений. Лексические единицы обслуживают социальные потребности языкового сообщества, причём связь формы знака с его означаемым должна быть принята и зафиксирована всеми членами этого сообщества. Отсюда, конечно, не следует, что языковые единицы должны иметь строгую организацию. Общими характеристиками номинативных единиц являются: (1) устойчивая связь с означаемым, (2) регулярность, (3) воспроизводимость.

В настоящее время у лингвистов нет единой точки зрения на предмет того, что считать лексической единицей языка. Традиционно за лексической единицей признаётся слово, хотя слово не определяет канонически только лексическую единичность в макросистеме языка: оно репрезентирует ещё как грамматические, так и фонологические характеристики. Необходимо перейти на гносеологический уровень анализа лексики. Единицей этого уровня является лингвистический конструкт – лексема.

На понятие (термин) лексема¹ существует несколько точек зрения: (1) лексема противопоставляется слову как часть целому и наоборот; (2) лексема противопоставляется слову в плане оппозиции языка и речи; (3) лексема характеризуется как единица плана выражения; (4) лексема понимается как элемент лексической подсистемы и, как таковая, может быть однословной и неоднословной [6; 7].

Мы придерживаемся последней точки зрения. Лексема понимается как двусторонняя единица лексико-семантической системы. Структурными компонентами лексем являются: (1) либо одно слово (синтетическая лексема), (2) либо несколько слов, интегрированных в единый номинативный знак (аналитическая лексема). Оба варианта лексем являются носителями одновременно лексической, грамматической и фонологической информации данной лексической единицы.

¹ Шабает В. Г., 2015